

© 2014 г. В.Л. ВАСИЛЬЕВ, Н.Н. ВИХРОВА

ТИПОЛОГИЯ НАИМЕНОВАНИЙ НОВГОРОДСКИХ ПОГОСТОВ (по данным писцовых книг конца XV–XVI в.)*

В статье ставится задача исследовать особенности топонимической номенклатуры средневековых территориальных округов на Русском Северо-Западе, иначе говоря «погостов», которые, как обычно считается, являлись существенной особенностью административно-территориального устройства Новгородской земли в течение восьми столетий. В качестве источника исследования использованы древнейшие новгородские писцовые книги XV–XVI вв., в которых система погостов представлена в наиболее полном и систематизированном виде. Авторы характеризуют основные модели номинации территориальных погостов-округов и анализируют древнюю архаическую топонимию главных селений этих округов (погостов-мест) с точки зрения мотивации и семантики.

Ключевые слова: погост, территориальный округ, центральное селение, топонимия, номинация, Новгородская земля, средневековая письменность

This article seeks to explore the features of toponymic nomenclature of medieval territorial districts in the Russian North-West, in other words, the churchyards (pogost's), which were an essential feature of the administrative-territorial division of the Novgorod Republic land for eight centuries. Sources of research are Novgorod medieval tax registers (piscovyje knigi) of the XV–XVI centuries, in which the system of churchyards is presented in the most complete and systematic form. The authors describe the main nomination models for territorial districts and interpret the archaic toponymy of the main villages of these districts in terms of motivation and semantics.

Keywords: pogost, territorial district, central village, toponymy, nomination, Novgorod land, medieval writing

Одной из существенных особенностей культурно-исторической топографии средневековой Новгородской земли считается традиционное, насчитывающее более восьми столетий, деление на округа, называемые погостами. В письменности эпохи независимости Великого Новгорода обнаруживаются нередкие, но фрагментарные свидетельства о существовании погостов. Первое систематизированное описание погостского деления Новгородской земли было сделано уже после присоединения Новгорода к Москве; в самом полном виде оно представлено в новгородских писцовых и переписных книгах конца XV – середины XVI в.¹ По подсчетам К.А. Неволлина, опиравшегося не только на писцовые книги, но и на иные источники (дозорные книги, изгонные книги, сотные выписи и др.), в XVI в. пространство новгородских пятин (Шелонской, Водской, Обонежской, Бежецкой и Деревской) подразделялось на 343 погоста-округа (включая и такие округа, которые именуются в источниках не погостами, а волостями

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-11-53001).

¹ Тексты самых ранних книг опубликованы в изданиях: [НПК; ПKNЗ; ПКOP; ПКВод].

и околородьями) [Неволин 1853: 98]². Сложившаяся к XVI в. система новгородских погостов, зафиксированная писцовыми книгами, выполняла функции церковно-приходской и административной (податной) организации территории Новгородской земли [Селин 2003: 43].

Топонимическая номенклатура средневековых новгородских погостов весьма разнообразна в мотивационно-семантическом и структурно-деривационном аспектах. Задача настоящей статьи – охарактеризовать в общих чертах специфику номинации новгородских погостов. Ранние формы и модели погостской топонимии извлечены нами из писцовых книг конца XV–XVI в., а более поздние варианты этих названий почерпнуты преимущественно из масштабных историко-топографических исследований пятинного и погостского деления Новгородской земли³. Термин «погост» в новгородской документации синкретичен: он используется в двух пересекающихся, не вполне подразделяемых средневековыми писцами смыслах – локальном и территориальном: ‘селение с церковью, являющееся центром округа’ и ‘церковно-административный округ, состоящий из центрального селения и подчиненных ему селений’. Поэтому оказывается важным различать номинацию погостов-мест (погостских центров) и погостов-округов. Другой важный критерий классификации названий погостов связан с отражением ими двух главных функций – административно-фискальной и церковной. Наконец, следует обратить внимание на различия, вызванные использованием и закреплением топонимов преимущественно в официально-письменной или народно-разговорной речи.

Считается, что погостская организация Новгородской земли была устойчивой и традиционной⁴. Вместе с тем понятно, что погосты в тех границах и наименованиях, которые представлены письменностью XV–XVI вв., нельзя прямолинейно переносить на отдаленную эпоху установления их княгиней Ольгой в середине X в.⁵; такая экстраполяция, вероятно, допустима лишь для отдельных элементов погостской системы и то в самом общем, приблизительном виде. Мнения большинства историков – дореволюционных, советских и постсоветских – сводятся к тому, что новгородские погосты времен княжения Ольги – это административно-фискальные округа, с помощью которых был регламентирован характер взимания дани (податей) и расширена податная территория Новгородского государства. Центры погостов были установлены как постоянные пункты, в которые окрестное население свозило дань. Надо полагать, на территориях, давно заселенных и освоенных славянами-язычниками, места взимания дани устраивались в уже существовавших селениях или рядом с ними, а также устанавливались в отдалении от существовавших селений в разных урочищах по берегам сравнительно

² Ранее новгородский митрополит Евгений (Болховитинов), сославшись на опубликованные им «Новгородские изгонные книги», перечислил 358 погостов [Болховитинов 1808: 91–98]. Это число завышено, поскольку один и тот же погостский округ, входящий в две смежные пятины, считается в данном списке двумя отдельными погостами (например, Сабельский пог. Шелонской пятины – Сабельский пог. Водской пятины). Подсчеты К.А. Неволлина лишены этих погрешностей, и в целом они до сих пор являются наиболее обоснованными и точными, поскольку зиждутся на ряде дополняющих друг друга исторических источников.

³ К таковому относим в первую очередь работу [Неволин 1853], охватившую все новгородские пятины и погосты. Мы опираемся преимущественно на этот труд, созданный 160 лет назад и до сих пор сохранивший высокую научную значимость. К.А. Неволлину принадлежит первое (и, пожалуй, до сих пор единственное) специальное рассмотрение возникновения названий погостов [Там же: 93–98]. Позднее появились труды, посвященные историко-топографическому описанию погостов Шелонской пятины [Андрияшев 1914], Деревской пятины [ИАДП], части погостов Водской пятины [Селин 2003].

⁴ Так, судя по письменным данным, внутренняя целостность новгородских погостов, которые описывались в конце XV–XVI в., сохранялась по меньшей мере на протяжении трех столетий – до начала XIX в. [Селин 2003: 39–40].

⁵ Об этой дате судят с опорой на сообщение о походе Ольги в новгородские земли в 947 г.: «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани» [Лавр. лст.: 58–59].

крупных озер и рек, являвшихся известными в местной округе ориентирами и средствами коммуникации. Пункты сбора дани были и местом размещения княжеской администрации и быстро вырастали в главные селения округов. Весьма гипотетичным остается назначение погостов в догосударственную эпоху ранее середины X в.: в них предполагали места купли-продажи, исходя из родства др.-русс. *гостьба* 'торговля' и *погость* (В.О. Ключевский), или места временных остановок князя во время сбора полюдья (С.М. Соловьев), или места общих языческих богослужений (К.А. Неволин), или так называемые «съезжие места», куда съезжались со всей округи для решения каких-то важных дел (П.Г. Бутков), см. [Платонова 1984: 173–175]. Забегая вперед, отметим, что топонимия средневековых погостов в силу разнообразия мотивации не дает достаточных аргументов для принятия ни одной из этих гипотез. Есть, однако, некоторые топонимические основания полагать, что немало старых селений еще до учреждения в них погостов как пунктов взимания дани являлись территориальными центрами ранних славян-язычников⁶.

Недавно была обоснована новая, противоречащая традиционной точка зрения, согласно которой в основе административно-территориального устройства Новгородской земли в XIV–XV вв. лежали не погостские округа, а отдельные владения (волостки-вотчины). Об этом свидетельствуют древнейшие писцовые книги (Деревской и Бежецкой пятин), в которых учет и обложение земель проведены не по погостским округам, а по владениям, при этом оказывается, что границы владений очень часто нарушают границы погостов-округов. Существование до XVI в. погостских округов как таковых, впрочем, не отрицается, но за ними оставляется роль лишь церковных приходов [Фролов 2008: 164–165]⁷.

Топонимия средневековых погостов, извлекаемая из писцовых книг конца XV – середины XVI в., ожидаемо отличается архаическим характером, что находит проявление в различных признаках непродуктивности топооснов и топоформантов. Однако за погостами эта архаическая топонимия, этимология которой зачастую остается непроясненной, закреплялась как правило вторично – в результате закономерного переноса имен от уже существовавших древних селений и водоемов, при которых устанавливались погостские центры и округа. Следовательно, в плане первичной мотивации название пог. *Смолинской* с церковью Покрова Богородицы связано с местом его учреждения в с. *Смольно* (см. в [НПК, V: 381]: «Селцо Смолно, а въ немъ церковь Покровъ Пречистая»), название *Пажеревицкого* пог. обозначило установление его в с. *Пажеревици* (см. в [НПК, IV: 368]: «въ Пажеревицахъ на погостѣ»), название пог. *Щир*, иначе *Щирской*, отметило установление центра при оз. *Щир*, названия *Бронницкой* и *Вышегородской* обозначили обустройство погостов соответственно в древних с. *Бронница*, г. *Вышегород*. Древность, порой дославянская, возникновения селений, при которых впоследствии расположили погосты, нередко свидетельствуется субстратным неславянским происхождением их названий (с. *Буреги*, бывшее центром *Бурежского* пог., с. *Луговещенье* как центр *Логовещского* пог., с. *Мусцы*, центральное в *Мусецком* пог., с. *Свинорд*, центральное в *Свинорецком* пог., с. *Яжелбицы* как центр *Яжелбицкого* пог.). На севере Водской и Обонежской пятин большинство поздних погостов было прикреп-

⁶ В свою очередь, с учетом данных археологии было обосновано, что центры отдельных погостов писцовых книг Шелонской и Водской пятин отождествляются с раннедревнерусскими селениями по Верхней Луге, а конфигурации и плотность погостских округов в северо-западных землях Великого Новгорода коррелируют с процессами раннеславянского расселения [Платонова 1984: 174–183].

⁷ А.А. Фролов пишет о том, что в источниках домосковского времени под погостом понимается всегда селение и нет примеров использования данного понятия в территориальном смысле [Фролов 2008: 161]. Это не совсем так. Например, в летописном фрагменте под 1240 г. более определенно, на наш взгляд, сообщается о погосте как о территории, а не селении; см.: «...городъ учиниша в Копорьи погостѣ» [НПЛ: 78] (около 1500 г. местность вокруг г. Копорье, согласно писцовой книге Водской пятины, принадлежала Каргальскому пог.).

лено к селениям и водоемам, носившим именно субстратные, обычно генетически прибалтийско-финские, названия: *Веницы, Дудорово, Кижы, Колтуши (Келтуши), Корбоселка, Куйвоша, Мелегижа, Тервиничи, Сердоболь, Ильеши, Ярвасоль* и др.

После христианизации Новгородской земли на погостах стали строить православные храмы, и данные пункты становились не только податными, но и церковно-приходскими центрами. Топонимия откликнулась на появление церковной функции закреплением нового церковного признака в номинациях погостов. В составных наименованиях округов, принятых в писцовых книгах конца XV–XVI в., церковный признак устойчиво квалифицируется в качестве приоритетного, занимающего первое место в словосочетании (*Егорьевской в Чудини, Никольской Будковской, Успенской Коломенской на Волхове, Спасской в Кижях, Спасской в Молодильне, Покровской и Борисоглебской в Боровичах, Никольской Поддубской в Еванове, Михайловской в Лоцемле*). Что касается названий погостов-мест, сообщенных писцовыми книгами, то церковный признак только в отдельных случаях относительно устойчиво закреплялся в их структуре, будучи воспроизводимым в хронологически различной документации. Так, центр *Федоровского Песоцкого* погоста-округа отмечен под этим же составным именем в записях 1540, 1568, 1612, 1718, 1791 гг.; но вместе с тем встречаются варианты названия без церковного признака: *На Песку на погосте* (1500 г.), *Пески* (1669, 1709, 1748 гг.), *На Песках* (1678 г.) [Селин 2003: 308]. Обыкновенно церковный признак не закреплялся в имени погостского центра, а становился его сопроводителем, благодаря нередкому сообщению о церкви, поставленной на погосте. Писцы, нацеленные на описание округов, похоже, подразумевали (в силу синкретизма территориального и локального смыслов родового термина) и у погоста-места название такое же, как у погоста-округа, но, избегая повторения, либо эллиптировали его до названия селения, где был обустроен погост, отмечая при этом наименование погостской церкви, либо (что наблюдается еще чаще) вообще опускали собственное название погоста-места, заменяя его родовым словом *погост*⁸ опять же с обязательным указанием церкви. Например, для погоста-округа, устойчиво именуемого *Егорьевским в Чудини* (или *в Чудини Егорьевским*), центром указан «въ Чудини ж погостъ, а в немъ церковь Егоргий Великий» [НПК, VI: 61–71, 72]; при описании *Никольского Будковского* погоста-округа название центрального селения вовсе опущено, дабы избежать повторения с заголовком главы, посвященной описанию сел и деревень округа: «а на погостѣ церковь Велики Никола» [НПК, III: 278].

В целом церковный признак устойчиво закрепился лишь в писцовой документации при номинации погостских округов, тогда как в народно-разговорной речи население искони называло погосты (причем не только их центры, но и сами округа) по древним селениям, в которых они были когда-то учреждены. После упразднения погостского окружного деления во второй половине XVIII в.⁹ перечисленные выше бывшие центры погостов именуются *Чудини (Чудины), Бутково, Молодильской (или Молодильно), Коломно (или Коломенской), Морконницы (иначе Морконецкой), Боровичи, Поддубье, Лоцемля, Пески*. «Нецерковный» тип номинаций древних погостов, поставленных при селениях и водоемах, оставался основным на протяжении всей эпохи существования погостского деления Новгородской земли. Погосты, известные по писцовым книгам как *Успенской Сабельской Водской* пятины, *Налючской Деревской* пятины, *Егорьевской во Млеве Бежецкой* пятины, *Доворецкой Шелонской* пятины, в памятниках XII–XIII вв.

⁸ В силу стереотипности такого эллипсиса родовое слово *погост* само иногда превращалось в собственное название погостского центра; см. центральное сс. *Погост* для Посонского погостского округа Деревской пятины (позднее оно стало называться с. *Покровское*), сс. *Погост* в Курском погосте-округе (позднее – сс. *Старокурское*) [ИАДП, 1: 181, 245].

⁹ В практике административного управления старое территориальное деление на погосты и пятины сохранялось до 80-х гг. XVIII в., но и после его официального упразднения погост, ставший низшей территориально-административной единицей, просуществовал до середины XIX в. [АТД Новг.: 20]. Для эпохи XIX – начала XX в. новгородский погост – это «стоящая на церковной земле церковь с домами попа и причта, с кладбищем» [Даль, 3: 158].

именуются *Сабле* (1240 г.), *Налючь*, *Доворьць* (1200 г.) в Новгородской 1-й летописи [НПЛ: 45, 295], *Мълевъ* (из берестяной грамоты 885 середины XII в. [Зализняк 2004: 316–317]); эти средневековые имена погостских центров и округов унаследованы современными населенными пунктами *Саблѣ*, *Налючи*, *Доворец*, *Млево*. Таким образом, новгородская народно-речевая традиция, в отличие от официально-письменной традиции, заложенной первыми московскими писцами и переписчиками, не обособляла названия погостов от названий тех селений, при которых они когда-то появились.

Судя по топонимическим свидетельствам, древние погосты, установленные при селениях и впервые поименованные по селениям, особенно многочисленны в бассейнах рек Шелони, Плюссы, Луги, Мсты (в этой связи уместно вспомнить приведенное выше летописное сообщение об установлении Ольгой погостов и даней именно по Мсте и Луге).

Иной является топонимическая специфика погостов в целом сравнительно более позднего времени, которые учреждались после возведения церквей и монастырей вне существовавших селений, но обычно вдоль водных путей. О таких погостах, установленных при церквях, топонимия, извлекаемая из писцовых книг, зачастую сигнализирует географической привязкой к крупным рекам и озерам, но главное – наличием устойчивой номинации по церкви, которая, в отличие от рассмотренного выше типа, закрепляется не только в письменности, но и в народной речи. Благодаря речевому закреплению церковные наименования передавались в течение многих веков: пог. *Антоньевской на Волхове* 1500 г. идентифицируется с с. *Антоньево* XIX в. на левом берегу Волхова под Новгородом, на месте средневекового *Воскресенского на Порусье* пог. сегодня известно ур. *Воскресенское* к югу от Старой Руссы, пог. *Михайловской на Полоной* Шелонской пятины продолжен современной д. *Михайлов Погост* возле г. Дно, пог. *Михайловской в Деревской* пятины превратился в современную д. *Михайловское* при оз. *Михайловском* и р. *Березайка* западнее г. Бологое, на месте *Семеновского в Вудрицах* пог. сегодня стоит д. *Семеновщина* к западу от Валдая. Такого рода примеров можно подобрать немало. Погосты с устойчивым церковным типом номинаций значительно преобладают, в частности, по течению рек Волхов, Сясь, Паша (см., например, следующие один за другим вдоль р. Сяси пог. *Ильинской*, *Воскресенской*, *Никольской*, *Рождественской*, *Богоявленской*, сохранявшие свои церковные имена и в XIX–XX вв.). Данный факт связан с издревле слабой заселенностью, даже безлюдностью этих заболоченных залесенных местностей, где крупных населенных пунктов почти не было, но проходили водные пути.

Для писцов и переписчиков книг конца XV–XVIII в. основной практической задачей являлась фиксация и описание селений по погостам-округам с целью налогообложения. Поэтому наименования округов предстают в сравнительно устоявшихся письменных формах-моделях на протяжении ряда столетий. Однако соотносимые с ними названия погостских центров в письменном языке не были строго регламентированы и в имеющейся документации представлены различными вариантами. В колеблющихся на письме вариантах названий погостских центров, непосредственно и более тесно связанных с народной речью, устойчивым оставалось только традиционное название селения, в котором основали погост. Порой по разным причинам наименование погоста-округа лексически не соотносится с названием погоста-места. Так, центр *Бельского* погостского округа Деревской пятины располагался в с. *Лишины* у р. Мсты¹⁰, центр *Никольского Пидебского* пог., вероятно, находился в устье р. Питьбы, где начиная с 1568 г. фиксируется с. *Королево*¹¹, центр *Никольского Толдожского* пог. был в с. *Котлы*. Иногда центрального пункта вовсе не существовало (например, округа *Заверяжье*, *Малая Лопца* не имели главного селения), или из-за документальных лакун погостский

¹⁰ Наименование *Бельского* округа объясняется близким соседством с округами *Прокотьевской на Белой* и *Богородицкой на Белой*, которые находились на противоположном берегу Мсты в Бежецкой пятине. Все эти топонимы отсылают к имени р. *Белая*, левого притока Мсты.

¹¹ Позднее оно стало центром дворцовой волости *Королево* (или *Пидебской* волости), к которой были приписаны деревни и Пидебского, и Кречневского пог. [Селин 2003: 88, 90, 92].

центр со своим исконным названием локализуется предположительно, как в случае с *Каргальским* пог.¹² Имена и местоположение некоторых погостских центров порой удается узнать только из более поздней исторической документации (так, о центральном селении описанного в писцовой книге 1500 г. *Антоновского на Волхове* пог., стоявшего на левом берегу Волхова, первые сведения дает дозорная книга 1615 г., в которой он именуется *Онтоньевским* [Селин 2003: 215]).

Первые писцы и переписчики систематизировали топонимическую номенклатуру погостов-округов, ориентируясь преимущественно на несколько главных моделей номинации, закрепленных в самых первых писцовых и переписных книгах конца XV в. – начала XVI в. и устойчиво воспроизводимых в письменной документации XVI–XVIII столетий. Эти главные модели показывают очевидную зависимость от пятинного деления Новгородской земли. Они различаются: 1) наличием одного или сочетанием двух главных признаков номинации – топографического, отражающего название смежных селения или водоема, и церковного, отражающего название церкви, 2) приоритетностью одного из этих двух признаков, 3) морфологическим выражением данных признаков, 4) особенностями соотношения наименований погостов-округов и погостов-мест. Следует подчеркнуть, что формулы номинации округов, сложившиеся на письме и используемые главным образом на письме, повлияли в большей или меньшей степени на оформление более поздних устоявшихся вариантов названий населенных пунктов, продолжавших средневековые погосты-места. Влияние письменной топонимической традиции на речевую в данном случае не стоит недооценивать, хотя оно вряд ли было существенным.

Кратко охарактеризуем главные номинационные модели. Одна из них представлена производным адъективом, содержащим относительный суффикс *-ск-* и заключающим топографический признак, который отсылает к исходному имени селения или водоема (пог. *Боротенской, Деревяницкой, Коломенской, Нерецкой, Сеглинской, Сумерской*). Еще К.А. Неволин [Неволин 1853: 96] отметил, что именно таким образом в писцовых книгах поименовано подавляющее большинство погостов-округов двух южных пятин – Шелонской и Деревской при том, что в остальных пятинах данная модель, за редким исключением, не используется. В отношении погостов-мест картина более разнообразна. Довольно часто средневековые писцы и переписчики именуют их аналогично соответствующим погостам-округам, т.е. адъективом на *-ской/-ский* (*Еглинской, Нерецкой, Сутоцкой, Хмерской* и т.п.); кроме того, очень много случаев неморфологического именования погостских центров по селениям, при которых они были поставлены (*Опоки, Дегжа, Буреги, Борки, Налючи* и т.п.)¹³, или описательными конструкциями с эллипсисом географических имен, но с указаниями на церковь, ближайший водоем и др.¹⁴ После упразднения территориального погостского деления в 1770-х гг. примерно 20% названий населенных пунктов на месте бывших погостских центров Шелонской и Деревской пятин все еще сохраняли относительный суффикс *-ск-* в своей структуре. Материалы середины XIX в. сообщают о пунктах *Дремацкой, Демьянск, Короцкое, Косицкое, Которска, Локоцкой, Лубинской, Передольской, Сытенской, Оксоцкой, Теребуновское, Чернецко, Чертицка, Ширской* и др., см. [Неволин 1853: 130, 141, 144–146, 150, 151, 175, 179, 180, 182, 183, 185, 187–189]. Повышенный процент адъективных

¹² Его центр можно соотнести с разными пунктами середины XIX в.: с д. *Краколье* (*Караколье*) на р. *Йуге* или с д. *Гарколово* на берегу Финского залива [Неволин 1853: 134–135].

¹³ Писцы порой отчетливо различают наименования погостов-округов и погостов-мест, совмещая их; см. один из показательных примеров такого рода: «Въ Налючскомъ погостѣ въ Курскомъ присудѣ, въ Налючѣ на погостѣ» [НПК, II: 601]. Интересно, что погосты-места, при которых не имелось округов, даны писцами почти всегда в субстантивной форме: *Взвад, Ужин, Медведь* [НПК, V: 327, 354].

¹⁴ Например: «на погостѣ у Дмитрея Святого» (о центре Влажинского пог.) [НПК, I: 726] или: «Селцо надъ Короцкомъ озеромъ: въ немъ церковь Покровъ святыа Богородици» (о центре Короцкого пог.) [НПК, I: 321].

форм ойконимов допустимо объяснить влиянием модели на -ской/-ский, в течение столетий стабильно воспроизводимой в местной письменности при упоминании погостов. Все же подавляющее большинство названий бывших погостских центров сохранилось в своей исконной форме субстантива (*Облучье, Жедрицы, Щепец, Рютино, Млево, Язвицы* и др.).

В редких случаях (менее 10% всей совокупности) наименования погостов Деревской и Шелонской пятин представлены адъективом, выражающим не топографический, а церковный признак. Таковы названия пог. *Фроловского* (по церкви в честь святых Флора и Лавра [НПК, IV: 37]), *Семеновского в Удрицах, Офремовского, Воскресенского, Рождественского, Петровского, Михайловского на Узе, Михайловского на Полоной Шелонской пятины и Михайловского в Деревской пятине*; к данному отцерковному типу названий примыкают деапеллятивные названия *Боженского, Чернышевицкого и Черенчевского* пог.; ср. яросл., волог. *божѡнка* 'божница', пск. *бо́жний* 'божественный' [СРНГ, 3: 65], др.-русс. *чър(ь)ньци* 'монахи'.

В составных наименованиях погостов-округов, представленных в писцовых книгах Водской, Обонежской и Бежецкой пятин, топографический признак обязательно сочетается с церковным признаком, который выражен первым и главным словом в словосочетании. Топографический признак всегда присутствует, но ему отводится роль дифференциатора, поскольку номинации погостов по церквям, будучи не вполне различительными, однообразными, постоянно повторяются (*Никольской Пидебской, Никольской с Городища, Никольской в Морткиницах, Никольской в Любонях, Никольской в Добрынях, Никольской в Дорке* и др.). Для нескольких названий погостов-округов Водской пятины, церкви которых стояли в городах, дифференциатором, напротив, служит церковный признак: *Пречистенской Городенской* (с церковью в Богородицком конце г. Старая Ладога), *Спасской Городенской* (с церковью Спаса Преображения в г. Орешек), *Воскресенской Городенской* (с церковью Воскресения в г. Корела); к ним примыкает и *Дмитреевской Городенской* с центром вблизи *городища* у д. Белая в верховьях Луги. Выдвижение адъектива с церковным признаком на первое место означает, что писцам конца XV в. и вслед за ними переписчикам XVI–XVIII вв. показалось важнее обозначить погосты именно как церковные округа с главным приходским храмом, расположенным в том или ином месте (или в той или иной местности). При этом сочетание церковного и топографического признаков по-разному грамматически структурировано в писцовых описаниях разных пятин.

Модель номинации погостов-округов, которая типична для одной только Водской пятины, представляет собой двухлексемную структуру из производных адъективов-приложений, включающих первый церковный и второй топографический признаки (*Никольской Пидебской, Егорьевской Теребужской, Федоровской Песоцкой, Дмитриевской Гдицкой*). Более того, очень часто такая двуадъективная структура характеризует также наименования соответствующих погостов-мест Водской пятины, причем она устойчиво воспроизводится в письменной документации на протяжении столетий вплоть до упразднения системы погостов в конце XVIII в. Так, центром *Егорьевского Лусского* погостского округа писцовые и переписные книги 1500, 1540, 1568, 1669, 1718, 1748 гг. отмечают пог. *Егорьевской* (иначе *Георгиевской*) *Лусской*, центром *Дмитриевского Городенского* округа указан пог. *Дмитриевской Городенской* под 1539/1540 и 1718 гг. (впрочем, наряду с *Городенской, Городня*), погостский округ *Успенской Хрепельской* главным своим селением имел пог. *Хрепельской Успенской* под 1500 г., или *Успенской Хрепельский* под 1539/1540, 1568, 1582, 1612 гг., позднее – *Хрепельской*; подобного рода тождества территориального и локального составных названий наблюдаются в описаниях на протяжении двух-трех столетий также пог. *Ильинского Тигодского, Никольского Будковского, Егорьевского Теребужского, Федоровского Песоцкого* и др., см. [Селин 2003: 107, 115, 155, 184, 189, 206, 292, 308]. Помимо данной топонимической специфики, для погостских центров Водской пятины, разумеется, не исключены и другие варианты номинаций в хронологически разных материалах (например, главное селение *Успенского Коломенского* округа именуется селцом *Успенья Пречистой на погосте на*

Коломенском под 1500 г., или пог. Коломна под 1582 г., или пог. Коломенский под 1718 г. [Селин 2003: 242]). Церковный признак оказался, впрочем, неустойчивым: после отмены погостского территориального деления названия центров бывших округов стабилизировались обычно с сохранением исконной формы – без суффикса -ск- (*Теребужка, Песок, Коломна, Будково, Кречнево*). Значительно реже в таких названиях закреплялся церковный признак; таковы, например, отмечаемые в первой половине XIX в. с. *Богослово, с. Климонтово, д. Ильинская Тигода, пог. Егорьевской* (иначе *Лужской*), которые значились центрами средневековых погостов-округов соответственно *Иванского Переезжского, Климецкого Тесовского, Ильинского Тигодского и Егорьевского Лусского*, см. [Неволин 1853: 121, 126, 127].

Третья главная модель номинации погостов-округов – это составная структура, сложенная из опорного производного адъектива, выражающего церковный признак, и локативной формы гидронима с предлогом *на* (*Дмитриевской на Капше, Воскресенской на Сяси, Никольской на Пшогже, Рождественской на Водлоозере, Никольской на Андоме*). С помощью данной формулы писцы и переписчики конца XV–XVI в. и позднее описывали около 70% округов в Обонежской пятине, включая около десятка поволховских погостов по обеим сторонам Волхова, принадлежавших как Обонежской, так и Водской пятинам, а также примерно 20% погостов Бежецкой пятины. В номинации соответствующих погостов-мест, как правило, использовались однословные имена по церквям (типа *Воскресенской, Рождественской*) или нерегулярные описательные конструкции. После отмены погостского деления стабилизировались однословные имена бывших погостских центров, заключающие либо церковный, либо топографический признаки. Для населенных пунктов конца XVIII – начала XIX в., продолживших былые погостские центры Обонежской пятины, оказался сравнительно высоким процент закрепленной по церквям ойконимии. Такие селения XIX в., как *Михайловское, Никольская, Никольской, Васильевской, Воскресенской, Петровской, Рождественской*, в средневековое время считались центрами погостов соответственно *Михайловского на Волхове, Никольского на Явосьме, Никольского в Дреглах, Васильевского на Волхове, Воскресенского на Сяси, Петровского на Пшогже, Рождественского на Паше*; перечень этот легко продолжить. Другая, более многочисленная группа сохранившихся к XIX в. селений на месте погостских центров Обонежской пятины закрепила производные, причем очень часто с суффиксом -ск-, названия по водоему. Таковы, например, ойконимы *Масельской, Вороновской, Явосемской, Шугозерской, Хубец* применительно к пунктам XIX в., которые продолжили главные селения средневековых пог. *Воскресенской на Масельге, Рождественской на Вороной, Никольской на Явосьме, Спасской на Шугозере, Покровской на Хубце*; см. [Неволин 1853: 157, 160–162, 164, 165].

В рассматриваемой модели номинации погостов-округов топографический признак выражает неопределенную локализацию погоста-места (в прикреплении к местности – бассейну большой реки или озера, а не к конкретному локусу – старому селению). Данная конструкция, похоже, предполагает сравнительно позднее, относительно времени писцовых описаний конца XV–XVI в., становление многих погостов именно как церковных округов, центры которых не обустраивались в уже существовавших старых населенных пунктах, носивших свои специфические названия, а ставились по берегам водоемов, от которых и получали свои новые имена.

С отгидронимной моделью, типовой для Обонежской пятины, морфологически смыкается характерная особенно для описания Бежецкой пятины модель номинации погостов-округов, представляющая собой структуру из опорного адъектива с церковным признаком и локативной формы топонима с предлогом *в* (*Никольской в Шереховичах, Спасской в Молодильне, Спасской во Млеве, Петровской и Борисоглебской в Боровичах, Воскресенской в Избоицах, Богородицкой в Сеглинах*). Отличие от отгидронимной модели заключается в семантике локативной формы, которая привязывает не к местности при водоеме, а к месту – конкретному селению, при котором был обустроен погостский центр. Разновидностью данной модели выступает конструкция, указывающая не на селение, а на небольшую территорию (волость или волостку), но эта территория, в отличие

от бассейна водоема, имела свои традиционные границы и носила свое специфическое древнее имя. Например, пог. *Ильинской в Слезкине*, *Никольской в Слезкине*, *Покровской в Слезкине*, *Воскресенской в Слезкине* располагались в границах одной большой волости Слезкино, пог. *Троицкой в Охоне*, *Никольской в Охоне*, *Иванской в Охоне* находились в волости Охона. После отмены погостского деления пункты, в которых располагались центры округов, в целом сохранили свои прежние исконные имена (*Шереховичи*, *Молодильно*, *Боровичи*, *Избоищи*, *Сеглины*). Центры погостов, которые были приурочены к древним волостям, закрепили названия по церкви (так, на месте погостов-мест в волостях Охона, Слезкино в XIX в. сохранялись населенные пункты *Троицкой*, *Ивановской*, *Спасской*, *Ильинской Слезкинской*, *Никольское*, *Покров*, или *Покровское*, см. [Неволин 1853: 202, 204, 213–215]).

Прочие модели номинации погостов-округов в писцовой документации встречаются редко, спорадически, часто безотносительно к тем или иным пятинам. В их числе: модель с одним адъективом, носителем церковного признака (*Фроловской*, *Михайловской*); модель, представленная двумя адъективами с церковным и топографическим признаками и топонимом в локативе (*Никольской Поддубской в Еванове*, *Покровской Удомельской в Залесье*, *Успенской Коломенской на Волхове*; встречается при описаниях Бежецкой и Водской пятин); модель, сочетающая адъектив с церковным признаком и топоним в номинативе (*Воскресенской Клин*, *Богородицкой Замутье*; обнаруживается при описаниях Бежецкой пятины) и др.

В очевидной соотнесенности главных номинационных моделей погостов-округов с пятинным делением не стоит искать глубоких историко-топографических оснований. Само пятинное деление было проведено по крупным рекам региона (Волхов, Мста, Луга, Шелонь, Ловать), по-видимому, сравнительно поздно¹⁵, по крайней мере без учета древнего традиционного деления на погосты, коль скоро немало погостов, распространявшихся по двум берегам крупных рек, оказались в двух смежных пятинах. Топонимическая номенклатура погостов в том виде, в каком ее доносят писцовые книги XV–XVI вв., являет собой систему элементов, единообразно и сознательно упорядоченных писцами и переписчиками уже в московский период новгородской истории. Разные пятины описывались разными московскими писцами, которые для передачи названий погостов-округов ориентировались на избранные ими структурные формулы и придерживались их в своих описаниях. Эти формулы, принятые первыми московскими писцами, традиционно воспроизводились последующими поколениями переписчиков. Московские писцы, которые в конце XV в. описывали Деревскую и Шелонскую пятины, очевидно, ориентировались на народную, древненовгородскую традицию именования погостов как территориальных центров, а не как церковных приходов. Данная топонимическая традиция недвусмысленно свидетельствует о том, что богослужебная функция погостов не являлась первичной в эпоху их раннего установления. Писцы, описывавшие Водскую, Обонежскую и Бежецкую пятины, во главу угла поставили церковно-приходскую функцию, которая к XV в. стала основной в погостском делении Новгородской земли. Показательно, что номинации погостских центров, полученные по церквям, характеризуются особенной множественностью вариантов. В отсутствии речевой закреплённости ощущается недооформленность отцерковной ойконимии, что может быть обусловлено недавним появлением стоявших за ними погостских центров. Очевидно, система погостов в той номенклатуре и границах, которые зафиксированы первыми сохранившимися писцовыми книгами конца XV – середины XVI в., окончательно сложилась в сравнительно позднее время, вероятно, в XIV–XV вв.

От рассмотрения главных моделей номинации погостских округов перейдем к интерпретации происхождения погостской ойконимии. Если взять наименования погостских селений и округов по церквям, то они в основном сравнительно молоды,

¹⁵ В историографии, однако, не сложилось единого мнения о времени возникновения пятинного деления: одни исследователи связывают пятины с эпохой преобразований после присоединения Новгорода к Москве, другие относят к эпохе новгородской независимости [АТД Новг: 11].

однообразны, неспецифичны, многие из них часто повторяются, будучи известными в разные века христианства далеко за пределами Новгородской земли¹⁶. Напротив, ойконимия погостов, перенесенная от древних селений и водоемов, содержит черты архаичности и вполне разнообразна в плане мотивационной семантики и деривации. Есть у нее и общие особенности. В первую очередь обращает на себя внимание повышенный удельный вес погостских названий, дублирующих имена соседних рек и озер. Вектор деривации от гидронимов, среди которых оказалось много имен дославянского происхождения, определенно доказывается исходно гидронимическим характером основ данной ойконимии. Погосты-округа, центральные селения которых носили отгидронимные названия, весьма многочисленны, поэтому приведем лишь отдельные показательные факты. Например, таковы стереотипно воспроизводимые писцовыми книгами XV–XVI вв. следующие названия погостов: *Бельской* (с центром на р. *Белая* в течении *Шелони*), *Березайской* (при р. *Березая*, позднее *Березайка*, тскашей из оз. *Березай*), *Бологовской* (при с. *Бологое* на оз. *Бологое*), *Богородицкой Врудской* (при с. *Вруда* на р. *Вруда*), *Богородицкой в Смердомле* (при с. *Смердомля* на р. *Смердомля*), *Васильевской Ровдужской* (на р. *Ровдуга*), *Вельевской* (при оз. *Велье*), *Воскресенской на Масельге* (с центром на р. *Масельга*, позднее названном *Масельской*, или *Масельга*), *Дегожской* (с центральным с. *Дегжа* на оз. *Дегжа*), *Должинской* (при с. *Должино* на оз. *Должино*¹⁷), *Еглинской* (с центром *Еглинской* при оз. *Еглино*), *Егорьевской в Кирве* (с центром, известным позднее как пог. *Кирвовский*, или *Кирва*, при р. *Кирва*), *Егорьевской Лусской* (в верховьях р. *Луга*), *Жедрицкой* (при с. *Жедрицы* на оз. *Жедрицкое*¹⁸), *Илеменской* (при с. *Илемно* на р. *Илемна*, позднее *Илеменка*), *Ильинской Тигодской* (с центром на р. *Тигода*), *Климецкой Тесовской* (при с. *Тесово* на оз. *Тесово* и р. *Тесова*), *Морева*, или *Моревской* (в с. *Морева* на р. *Морея*, сегодня *Маревка*¹⁹), *Нерецкой* (при оз. *Нерецкое*, ранее *Нерцо*²⁰), *Никольской в Левоче* (при с. *Левоча* на р. *Левоча*), *Никольской Ижорской* (при с. *Ижора* на р. *Ижора*), *Никольской Молдинской* (при с. *Молдино* у оз. *Молдино*), *Никольской Толдожской* (с центром в с. *Котлы* на р. *Толдога*), *Никольской Суйдовской* (на р. *Суйда*), *Никольской Удомельской и Покровской Удомельской в Залесье* (с центрами при оз. *Удомля*), *Пажеревской* (при с. *Пажеревичи*, иначе *Пажерицы*, *Пажеревичи*, при ручье²¹), *Пидебской* (с центром в устье р. *Пидьба*), *Пиросской* (при с. *Пирос* на оз. *Пирос*), *Покровской в Сорогошине* (при с. *Сарагожское* на р. *Сырогожа*, или *Суроогожа*), *Покровской и Никольской в Черенске* (центр в с. *Черенско* при р. *Черной*), *Полишской на Волхове* (с центром у р. *Полисть*, притоке *Волхова*), *Деманской* (с центром *Селище* у *Николы* на *Демянке*²²), *Полоновской* (при с. *Пол(о)ново* близ р. *Полоновка* и оз. *Полонец*), *Понедельской* (с центром в с. *Понеделье* на р. *Понеделька*²³), *Посонской* (центр – с. *Погост* на р. *Цна*), *Снежской* (центр на р. *Снежа*), *Солецкой* (центр при

¹⁶ В целом оказалось закреплено около трех десятков церковных наименований погостов. Среди них повторяются (в порядке убывания) названия *Никольской*, *Богородицкой*, *Успенской*, *Егорьевской*, *Михайловской*, *Ильинской*, *Петровской*, *Воскресенской*, *Спасской*, *Рождественской*, *Покровской*, *Дмитриевской*, *Иванской*, *Васильевской*, *Введенской*, *Климецкой*, *Троицкой*, *Григорьевской*, *Антоньевской*, единичны: *Андреевской*, *Федоровской*, *Воздвиженской*, *Офремовской*, *Фроловской*, *Богоявленской*, *Прокопьевской*, *Борисоглебской*, *Кузьмодемьянской* и др.

¹⁷ *Должино* было интерпретировано как гидронимический балтизм со значением 'красивное озеро' ввиду лит. *dilginis* 'красивный' и т. п., подробнее см. [Васильев 2003: 114–116].

¹⁸ К балт. гидронимической основе *gedr- 'ясный', подробнее см. [Васильев 2012: 622].

¹⁹ Основа *mor-* означает здесь 'озерную' реку, подробнее [Васильев 2009б: 268–269].

²⁰ К основе *ner- 'погружаться, нырять', принадлежащей гидронимии, см. [Васильев 2012: 458–459].

²¹ Трактовалось как др.-слав. дериват с префиксом *па-* от смежного гидронима (село стоит при ручье) с основой *жерев-/жер-*, часто повторяющейся в водных именах [Васильев 2009а: 8–9].

²² В центре *Деманского* погоста-округа, помимо речки *Демянки*, располагался средневековый г. *Демон*, рядом с которым лежит оз. *Мосылинское*, некогда носившее имя на **Дем-ен-* 'грязное, топкое', подробнее см. [Васильев 2005: 97–110].

²³ Трактовалось как дериват с префиксом *по-* от гидронима с субстратной основой *ned- 'течь, плыть' [Васильев 2009а: 10–11].

впадении р. *Сольца*, иначе *Посолка*, в Волхов), *Спасской Орлинской* (при с. *Орлино* у оз. *Орлино* и р. *Орлинка*), *Сумерской* (при оз. *Самро*), *Ужинской* (при с. *Ужин* на оз. *Ужин*), *Устьволомской* (при с. *Усть-Волма* в устье р. *Волмы*), *Хмерской* (при оз. *Хмерское*²⁴), *Холынской*, иначе *Петровской на Холыне* (с центром в с. *Холынь* при р. *Холынь*), *Холовской* (с центром *Холова* на р. *Холова*), *Шегринской* (на р. *Шегрина*, иначе *Щегрина*), *Щирской* (при с. *Щир* на оз. *Щир*), вероятно, *Млевской* (при с. *Млево* на р. *Млевка*, впадающей во Мсту²⁵); сюда же еще *Буец* и *Стерж*, древненовгородские волости, перечисляемые среди погостов-округов, с центральными селениями – пог. *Буец* и *Стерж* при озерах *Буец* и *Стерж*. Перечисленные названия или их основы доказываются как первично гидронимические по специфике апеллятивных коррелятов, обыкновенно образующих гидронимы, по наличию параллелей именно в гидронимии, по типологии формантов, характерных только для гидронимов. Среди них обнаруживается много дославянских гидронимических основ, из которых одни уже раскрыты этимологически, другие еще ожидают специального этимологического анализа (балт. *Вруда*, *Дегжа*, *Должино*, *Демьянка*, *Жедрицы*, *Млевка*, *Морея*, *Полисть*, *Понеделька*, *Стерж*, *Тесова*, *Цна*, балт. или слав. *Снежа*, *Удомля*, прибалт.-финск. *Ижора*, *Кирва*, *Луга*, *Масельга*, *Пирос*, *Питьба*, *Ровдуга*, *Самро*, *Толдога*, *Тигода*, *Суйда*, *Хмерское*, балт. или финск. *Молдино*). Изложенный топонимический ряд неполон, его можно продолжить, но перечисление займет слишком много места. В целом отгидронимных названий новгородских погостов набирается не менее трети от всей совокупности исследуемой топонимии. Особенно высок удельный вес отгидронимных погостских названий в Деревской пятине (по нашим приблизительным подсчетам, до 40% всей суммы).

Часть древних погостов получила свои отгидронимные имена опосредованно – через существовавшие до них селения с отгидронимными именами, расположенные на берегах рек и озер. Другие погосты были поименованы непосредственно от рек и озер, если они были заложены как станы, пункты сбора дани при водных путях вне селений. Погостские центры устраивались, как правило, у берегов сравнительно крупных водоемов, традиционно значимых для окрестного населения в качестве объектов хозяйствования и/или коммуникаций. В свою очередь конфигурации соответствующих погостов-округов нередко показывают в центре погостского округа озеро, по которому наименован округ, или же они отчетливо ориентированы по течениям рек, названия которых отражены в наименовании погоста.

Помимо отгидронимных номинаций, названия погостов отразили многообразие объектов природного и культурного ландшафта. Славянская терминология, мотивирующая такую ойконимию, опять же чаще всего свидетельствует о смежности с водоемами, обозначая их особенности или ориентацию по ним. Погосты устанавливались по берегам водоемов (*Забережье*, *Заозерицы*, *Заречье*, *Локотско*²⁶, *Молодильно*²⁷, *Озерева*, *Ручьи*, *Сутоки*, *Устрека*, *Устьяны*) или на низменных, сырых, моховых местах, обычно связанных с водоемами (*Болонье*, *Влажины*, или *Лажины*²⁸, *Вшели*, *Грезна*, *Дрегли*,

²⁴ Ср., например, финск. *hämärä* 'сумрачное, темное'.

²⁵ Основа восходит к апеллятиву, максимально близкому лит. *mulvas* 'грязь', *mulvė* 'тина, ил', 'грязь', 'болото', 'родник, источник' [Невская 1972: 347–348], сюда же *Mulelė*, *Mūliškės*, микротопонимы в Литве [Vanagas 1981: 221]; ср. также родственные славянские термины (на иной ступени чередования), такие как блр. и русск. диал. *мул*, *муля*, *муляка* 'ил, нанос, мутная вода' и др. Внешне посессивный облик формы *Млево*, похоже, сложился не без славянской «подгонки» гидронимического балтизма под тип адъективных дериватов с суффиксом *-ев-*.

²⁶ Селение расположено на локте – крутом изгибе р. Мсты.

²⁷ Центральное селение и весь округ *Спасской в Молодильне* охватывает цепь соединяющихся друг с другом *Молодильских* озер, которые отличаются карстовостью, уходом под землю и наполнением из-под земли. Название отметило периодичность этих озер, которые в период своего появления действительно являются «молодыми»; ср. диал. *молодой* 'новый, только что приобретенный, появившийся', *молодеть* 'зарождаться (о месяце)' [СРНГ, 18: 222, 227].

²⁸ При сравнении с диал. *лаг* 'овраг, ложбина, лог' (Крестец. Новг., Орл., Том.), *лага* 'низкое влажное место' (Вожег. Волог., Арх.), 'низкая, непригодная земля' (Арх.) [СРНГ, 16: 223].

Жабны, Замошье, Кречнево, Лучани, Мокрыни, Мошна, Наволок, Облучье, Передолье, Плави, Ситно, Смердины, Сытино, Тростны, Тухоли, возможно, Грузино), а также у порогов, волоков и переправ (Бух²⁹, Быстрое, Великий Порог, Волок Держков, Волок Хотславль, Вышний Волочек, Переезд)³⁰, на высоких, боровых местах, возвышениях среди болот и древних городищах (Борки, Боровичи, Высокое, Вышгород, Городище, Городня, Заборовье, Остров, Сопины, Холм), на открытых местах, в том числе расчищенных из-под леса (Вудрицы, Голино, Дора, Дорок, Дретено, Дятелино³¹, Кострецы, Ляды, Ополье, Полици, Поляны, Теребушка, Чертицко), на облесенных или поросших деревьями местах (Береза, Березовец, Деревя, Деревяницы, Дубровно, Липна, Налесье, Ореховно, Поддубье, Хрепле³², Ясеновичи), на разных видах почв и неровностях почв (Копорье, Кременичи, Опоки, Пески, Суглица, Шереховичи, Язвищи, возможно, сюда же Коростынь³³), а также на иных местах, связанных так или иначе с деятельностью людей: Боротно, Бронница, Взад, Дыми, Загородье, Карачуницы, Клино, Которско, Крестцы, Лубино, Любони, Мытно, Осечня, Ретно, Сеглины, Смольно, Щенец и др.³⁴ Подробнее остановимся на повторяющемся ойкониме Коломно, обозначающем языческие места погребений. В разных новгородских пятинах имелось четыре Коломенских погостских округа с центральными селениями Коломно, расположенными: 1) на левом берегу Ловати ниже г. Холм, 2) на левом берегу Волхова выше современного г. Чудово, 3) на правом берегу Мсты в ее среднем течении (сегодня – д. Окулово), 4) близ оз. Коломно и р. Коломенка в верховьях р. Мсты неподалеку от Вышнего Волочка. Языковыми источниками этой и другой топонимии на Кол(о)м- исследователи указывали финск. *kalma* ‘смерть, могила; загробный мир’, карел. *kalma*, ливск. *kalmi* ‘могила’, вепс. *kaum*, *koum* ‘то же’, эст. *kalm* ‘неосвященное кладбище, могильный холм’, вод. *kalmo* ‘кладбище’ и т.п. лексемы (см. [Попов 1981: 67–68; Мызников 2004: 140–142; Kalima 1919: 125] и др.). Частотность проявления данной топонимической основы, усвоенной славянами в дохристианскую эпоху, свидетельствует о том, что древненовгородские территориальные центры часто вырастали в местах, до прихода славян обжитых народами, имевшими поблизости свои традиционные места погребений. Не исключено, что подобным образом нужно трактовать также название с. Хутины, бывшего центром пог. Введенского Хутынского на Горке; ср. олон. *ху́тӣть* ‘хоронить, погребать’, *оху́тӣть* ‘спрятать’, *соху́тӣть(ся)* ‘спрятаться, скрыться’ в русских говорах Карелии, *хуто́к* ‘укромное место’ и др., подробнее см. [Васильев 2012: 506–510].

²⁹ Перед нами исконное название порожистого участка на р. Поле, перенесенное на погостский центр (рядом действительно отмечают пороги Бух и Телеша, см. [Шанько 1929: 356]). Являясь первичной номинацией порога, Бух легко объяснимо из др.-русс. *бухати* ‘бухать, бить, шуметь (о воде)’ (ср. структурно-семантическое сходство с названиями порогов Рык и Вып на р. Мсте: к др.-русс. *рыкати* и *въптити*).

³⁰ Дополнительно стоит отметить, что название центрального селения Скнятинского пог. Шелонской пятины тоже, по-видимому, было получено от смежного речного порога на р. Шелонь; ср. упоминание в этом погосте Введенского Скнятинского монастыря «что на Скнятинъ порозъ» [НПК, V: 40].

³¹ Вероятное указание на поле, поросшее клевером, ввиду диал. *дятьльник*, *дятьловина*, *дятьлевина* и подобных обозначений клевера [СРНГ, 8: 308–309].

³² Ср. твер. *хрепня́к* ‘старый лес’ (Ост.) [ОСГКО: 274], пск. *хрип*, *хрып* ‘мелкий сосняк по болоту’ [Кузнецов 1915: 141].

³³ Если сближать Коростынь с новг. диал. *коростынь* ‘болотный кочкарник’ (Чуд.) [НОС, 4: 116], тул. *короста* ‘кочковатое и болотистое место’, волог. *коростова́тый* ‘кочковатый’ и др. [СРНГ, 14: 366, 367]. Однако существуют и неславянские трактовки данного топонима.

³⁴ Значительная доля семантически не очевидных ойконимов с чертами архаичности, представленных в данном перечне (Боровичи, Боротно, Волок Держков, Волок Хотславль, Вудрицы, Вишли, Вышгород, Грузино, Дрегги, Дретено, Копорье, Крестцы, Кречнево, Кременичи, Лучани, Озерова, Сеглины, Суглица, Сытино, Теребушка, Устьяны, Шереховичи, Ясеновичи), ранее была подробно исследована нами (их легко найти по Топонимическому индексу в [Васильев 2012]).

Что касается названий погостских селений, произведенных от личных имен, то они сравнительно немногочисленны на фоне значительного большинства ойконимов с исконным собственно топографическим смыслом (что разительно отличает погостскую ойконимию от более поздней ойконимии деревень). К антропонимии восходят, в частности, посессивные названия погостских центров *Болчино, Будково, Быстреево, Велиля, Люботино, Любытино, Налючи, Неболчи, Прибуж, Рамышево, Рютино, Словятино, Теребуново, Чудини* и др. Все обусловившие их личные имена-мотиваторы являются дохристианскими, принадлежавшими, надо полагать, ранним славянам, заселявшим эти места: *Бълч(-ъ, -а), Будко, Быстрѣи, Велил(-ъ, -о), Любота, Любыта, *Налють, Небълта, Прибудъ, Рамышь, Рюта, Словята, Теребунъ, Чудинъ*³⁵. Появление данных погостских ойконимов не связано с христианством: они закрепились преимущественно в дохристианскую эпоху, вероятно, даже до установления самих погостов. Их следует отличать от погостских ойконимов, отсылающих к христианским именам; эти последние явно принадлежат святым покровителям церквей, поставленных на погостах. Писцовые книги во многих случаях прямо свидетельствуют об этом, сообщая о церкви в честь святых *Петра и Павла* в пог. *Петровском* [Андрияшев 1914: 164], святых *Флора и Лавра* в пог. *Фроловском* [НПК, IV: 37], святого *Симеона* в пог. *Семеновском в Удрицах* [НПК, I: 765], *Архангела Михаила в Михайловском на Узе* пог. [НПК, V: 66, 663], *Дмитрия Солунского в Дмитриевском Городенском* пог. [НПК, III: 182], *Иоанна Богослова* в пог. *Ивановском Переездовском на Волхове* [НПК, III: 486] и др. Деривация названия погоста-места от полного христианского имени определенно подразумевает номинацию по церкви, даже если наименование этой церкви источниками не свидетельствуется, например, *Офремовской* пог., конечно, был назван не по заселителю *Офрему*, а по церкви в честь святого *Ефрема*³⁶.

Заметной структурной особенностью ойконимии погостских центров является повышенный процент названий множественного числа на *-ичи/-ицы*, на *-ан(-е, -и, -ы)* и на *-и/-ы*: *Бегуницы, Бежичи*, или *Бежицы, Братиловичи, Веницы, Взыдылицы, Гедевичи, Гостиничи, Карачуницы, Колбеги, Кременичи, Листовичи, Лучане, Ляховичи, Молвятичи, Морозовичи, Морткинич, Павы, Пажсеревичи, Пиркинич, Тервиничи, Устьяны, Чайковичи, Черенчицы* (переоформленное из более ранней формы *Черняне*), *Черньчевичи, Шереховичи, Черняне, Яжелбицы, Ярославичи* и др. Перечисленная ойконимия, за малым исключением, отсылает к номинациям групп людей, а эти номинации в свою очередь являются либо патронимами, либо родовыми прозвищами (таков, похоже, ойконим *Павы*, восходящий к прозвищу от др.-русс. *павъ* 'павлин'), либо этническими обозначениями (возможно, таковы *Ляховичи, Колбеги*³⁷), либо обозначениями жителей или поселенцев по характерным признакам окружающего ландшафта. Данные ойконимы отмечали владения не одного лица (что легко предполагается ойконимией посессивного типа), а целой группы поселенцев, родственных или неродственных друг другу, расселившихся неподалеку в какой-либо местности. Возможно, такие населенные пункты быстрее становились территориальными центрами, поскольку совокупные владения

³⁵ Большинство перечисленных отантропонимных названий вкупе с именами-мотиваторами ранее уже анализировались подробно в нашей книге [Васильев 2012]. Коснемся лишь не изучавшихся ранее имен *Будко* (> *Будково*), *Словята* (> *Словятино*) и *Рюта* (> *Рютино*) из данного списка. Первое и второе имя засвидетельствованы новонайденными берестяными грамотами № 1031 и 1050 [Зализняк, Янин 2013: 11, 14]. Из них *Будко* является гипокористическим производным от полного имени типа *Будиславъ*, *Рюта* квалифицируется как прозвище, равное причастной форме др.-русс. глагола *рюти* 'реветь'.

³⁶ Исключение из этого правила – название пог. *Кснятин* (*Кснятинской*) в Шелонской пятине, произведенное при помощи архаической йотово-посессивной суффиксации от имени *Къснѣтинъ* (*Къснѣта*), древнерусской народной формы лат. *Constantinus*, употребительной у восточных славян, возможно, еще до принятия христианства. Здесь следует говорить об имени поселенца, поскольку данная народно-разговорная форма антропонима, кажется, не использовалась применительно к угодникам божьим.

³⁷ По Фасмеру, др.-русс. *кълбязъ* 'варяг – член союза' [Фасмер, II: 287].

группы поселенцев охватывали значительные площади, простирались на большие расстояния. Все это отразилось впоследствии на территориальном размежевании погостов, волостей и отдельных вотчин. Несомненна тесная связь рассматриваемой ойконимии с крупными формами землевладения, характерными для Новгородской земли.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

д. – деревня, пог. – погост, погосты, р. – река, с. – село, сц. – сельцо, оз. – озеро, ур. – урочище

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АТД Новг – Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области 1727–1995 гг.: Справочник. СПб., 2009.
- Андряшев 1914 – *А.М. Андряшев*. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. I: Списки селений; Вып. II: Карты погостов. СПб., 1914.
- Болховитинов – митр. *Евгений (Болховитинов)*. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.
- Васильев 2003 – *В.Л. Васильев*. Очерки новгородской субстратной топонимии (др.-балт. *Должино, Цемена*) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конф. Ч. II. Воронеж, 2003.
- Васильев 2005 – *В.Л. Васильев*. Городок *Демон* средневековой Новгородской земли (История населенного пункта и этимология имени) // Вопросы ономастики. 2005. № 2.
- Васильев 2009а – *В.Л. Васильев*. Архаическая топонимия с префиксом *po-/na-* на Русском Северо-Западе // Вопросы ономастики. 2009. № 7.
- Васильев 2009б – *В.Л. Васильев*. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. XVIII: Сб. науч. трудов. М., 2009.
- Васильев 2012 – *В.Л. Васильев*. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- Даль – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1998.
- Зализняк 2004 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк, Янин 2013 – *А.А. Зализняк, В.Л. Янин*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг. // Вопросы языкознания. 2013. № 4.
- ИАДП – *А.А. Фролов, Н.В. Пиотух*. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.: СПб., 2008.
- Кузнецов 1915 – *И.Д. Кузнецов*. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Пг., 1915.
- Лавр. лет. – Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.
- Мызников 2004 – *С.А. Мызников*. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Невская 1972 – *Л.Г. Невская*. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Неволин 1853 – *К.А. Неволин*. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты. СПб., 1853.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.
- НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Л., 1950.
- ОСГО – *Т.В. Кириллова, Н.С. Бондарчук, В.П. Куликова, А.А. Белова*. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- ПКВод – Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851; Кн. 12. М., 1852.
- ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. Т. 1. М., 1999; Т. 2. СПб., 1999; Т. 3–6. М., 2001–2009.

- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Платонова 1984 – *Н.И. Платонова*. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Попов 1981 – *А.И. Попов*. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Селин 2003 – *А.А. Селин*. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–43–. СПб., 2002–2010–.
- Фасмер – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- Фролов 2008 – *А.А. Фролов*. Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 11 (21). СПб., 2008.
- Шанько 1929 – *Д.Ф. Шанько*. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Kalima 1919 – *J. Kalima*. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. XLIV. Helsinki, 1919.
- Vanagas 1981 – *A. Vanagas*. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Сведения об авторах:

Валерий Леонидович Васильев
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого (НовГУ)

Нина Николаевна Вихрова
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого (НовГУ)
vihnn@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.11.2013.